

Чибисов Б. И.

**Дискуссии об информативных возможностях антропонимии
для исследования этнической истории Древней Руси**

Период конца XV – начала XVI в. традиционно привлекает внимание ученых в социально-экономическом ключе. Это связано с тем, что рубежом XV–XVI вв. датируется ценный источник – новгородские писцовые книги. Они представляют собой кадастры, систематизированные по административно-территориальному принципу (т. е. по пятинам) и созданные с целью государственного учёта земельных владений, а также проживающего на них податного и неподатного населения. Хотя ценность писцовых книг с точки зрения социально-экономической точки зрения не подлежит сомнению, они также содержат богатый антропонимический материал, способный пролить свет на этническую историю Новгородской земли.

Исследуя состав населения городов Новгородской земли XV в., В. Н. Бернадский отметил, что «примечательной особенностью состава населения Русы является сравнительно большое число “чужаков”: среди населения города названы новгородец, рязанец, ивангородец, несколько литвинов, карел и даже немчин». Большинство ремесленников и мелких торговцев Ивангорода были «местными людьми, деревенскими ремесленниками или торгующими крестьянами»¹. Выводы исследователя построены на полном доверии антропонимическим данным писцовой книги Шелонской пятины 7006 (1497 / 1498) г., в которой были записаны жители с прозвищами *Москвитин, Новгородец, Рязанец, Литвин, Немчин, Корелянин*. Новгородская прозвищная антропонимия этнического характера, по мнению С. С. Гадзяцкого, убеждает в полиэтничном составе населения Новгородской земли².

Однако не все исследователи антропонимии писцовых книг склонны столь однозначно интерпретировать прозвища. Априорные суждения ряда историков вызывают критические высказывания со стороны лингвистов. Отчасти это связано с тем, что на данный момент ономастика является самостоятельным разделом языкознания, имеющим к исторической науке косвенное отношение. Разделение истории и филологии приводит к тому, что историк обязан знакомиться не только с методами работы в области ономастики, но и специально-научными дискуссиями между исследователями. Таким образом, этноисторические исследования на материале новгородских писцовых книг не могут проводиться без знания тех дискуссий, которые возникли вокруг интерпретации древнерусской антропонимии.

Уже в публикациях второй половины XIX – начала XX в. был накоплен и упорядочен антропонимический материал, связанный с бытованием некалендарных имен. Предметом зародившейся в этот период дискуссии стало содержа-

¹ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 133, 137.

² Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 38.

ние прозвищ, образованных от этнонимов и топонимов. Так, М. Я. Морошкин в своей работе «Славянский именовослов» отметил: «Родители и рожденные могли быть пришельцами в известной земле и так сказать одинокими среди малознакомых им людей. Родители, в воспоминание о своей любезной Родине, давали своему дитяти имя своей родной земли. Таково происхождение личных славянских имен от названий народных, племенных или географических»³. М. Я. Морошкин заложил научную идею, впоследствии развитую исследователями антропонимии: прозвища, образованные от этнонимов и топонимов, использовались мигрантами в иных областях своего проживания. Однако М. Я. Морошкин, выстроив умозрительную концепцию, вовсе не аргументировал её и не приводил конкретных примеров «этнически окрашенных» антропонимов.

Некалендарной антропонимией писцовых книг интересовался Н. Д. Чечулин, в краткой работе которого приводится алфавитный перечень отэтнонимических прозвищ⁴. Содержание этнических прозваний не стало предметом специальных научных изысканий Н. Д. Чечулина. Более подробный анализ некалендарной антропонимии средневековой Руси дал Н. Н. Харузин, где автор особенно выделил группу прозвищ, образованных «по народности»: *Черемисин, Мордвин, Чудин, Чухна* и др. По мнению Н. Н. Харузина, перечисленные некалендарные имена – это не прозвища, а личные имена в узком смысле этого слова⁵. Архимандрит Сергей (Тихомиров) в своей работе о Новгородском уезде Водской пятины отметил, что ключевым элементом населения Новгородского уезда были «крестьяне-туземцы»⁶. Незначительное количество мигрантов отмечалось составителями переписи посредством прозвищ – *Корелянин, Заволочанин, Ижерианин*. Автор все же уклонился от разъяснения природы таких антропонимов.

Итог этого периода в изучении исторической антропонимии средневековой Руси подведен фундаментальным трудом Н. М. Тупикова. Автором сделаны наблюдения о бытовании неканонических имен, их фиксации в письменных источниках⁷. Однако исследователь так и не затронул вопроса о том, что же скрывалось за «этническими» антропонимами. К началу XX в. историческая ономастика подошла, прежде всего, с обширным комплексом некалендарных антропонимов и отэтнонимических прозвищ, выявленных в древнерусских письменных источниках.

Более чем тридцатилетний перерыв в изучении некалендарной антропонимии завершился в 1948 г. выходом статьи А. М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ». Положения этой статьи были развиты в монографии В. К. Чичагова⁸. По мысли исследователя, прозвища, восхо-

³ *Морошкин М. Я., свящ.* Славянский именовослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867. С. 42.

⁴ *Чечулин Н. Д.* Личные имена в Писцовых книгах XVI века, не встречающиеся в православных святцах. СПб., 1890.

⁵ *Харузин Н. Н.* К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. С. 150–171.

⁶ *Сергий (Тихомиров), архим.* Новгородский уезд Водской пятины по писцовой книге 1500 года: историко-экономический очерк. М., 1900. С. 29.

⁷ *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

⁸ *Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. М., 1959.

дящие к названиям народов, не могут считаться исконно славянскими личными именами (таковы прозвища *Чудин*, *Черемисин*, *Татарин* и др.). В. К. Чичагов указал на то, что отэтнонимическое прозвище в большинстве случаев обозначает именно указание на этническое происхождение именуемого. Это связано с характерными чертами древнерусских прозвищ: во-первых, это неофициальные имена, используемые в условиях ограниченного календарного антропонимикона; во-вторых, это именованья, которые выделяли ключевую характеристику их носителей и делали последних известными в замкнутом кругу общества. Так, «этнические» прозвища составляли обширную семантическую группу антропонимов, образованных непосредственно от этнонимов. Повторяемость таких прозвищ и их широкое хождение в древнерусских текстах позволяли автору считать, что за «этническими» прозвищами скрывалась реальная этническая принадлежность их носителей. При этом В. К. Чичагов осторожно заметил, что «этнические» именованья иногда могли в действительности и не соответствовать происхождению их носителей. Поэтому отэтнонимические антропонимы обладают предположительным, вероятным, но не абсолютным значением. В. К. Чичагов выделил некоторые прозвища новгородских писцовых книг и отнес их к разным группам, предложив классификацию прозвищ: так, прозвище *Немчин* образовано от этнонима, а *Корелин* / *Корелинов* – от географической области Корела⁹. Однако автор не прояснил критерия отнесения прозвищ к той или иной группе.

Единственным историком первой половины XX в., обращавшим внимание на древнерусскую антропонимию, был академик С. Б. Веселовский: изданный после смерти автора «Ономастикон» оказал существенное влияние на развитие методики антропонимических исследований. Ученый отметил ряд отэтнонимических антропонимов и указал примеры из письменных источников, где встречаются такие именованья. Среди подобных имен упомянуты *Литвин* / *Литвинов*, *Лях* / *Ляхов*, *Корела* / *Корелка*, *Татаров*¹⁰. С. Б. Веселовский отметил прозвище *Вожко* и соотнес его с формой *Вошко*: он показал, что оба прозвища часто встречаются в писцовых книгах Водской пятины. Несмотря на обширный перечень некалендарной антропонимии и значительную источниковую базу, работа С. Б. Веселовского имеет схожие черты со словарем Н. М. Тупикова: главная из них заключается в практически полном отсутствии объяснения генезиса и содержания тех или иных отэтнонимических прозвищ.

Важной работой историка в области древнерусской антропонимики является обстоятельная статья В. Б. Кобрин¹¹. На основании терминологического анализа прозвищ *Черемисин* и *Чудин* В. Б. Кобрин допустил, что некалендарные имена, образованные от этих этнонимов, носили люди, связанные с мари́йцами или чудью. Автор также заметил, что было бы наивно считать всех носителей тюркских имен (или хотя бы большинство) выходцами с Востока.

Исследователь исторической ономастики В. Д. Бондалетов выявил существенные черты и функциональные особенности древнерусских некалендарных антропонимов. По мнению исследователя, некалендарные имена на Руси могли выступать в различных функциях: личного имени, прозвища, имени-характери-

⁹ Там же. С. 33.

¹⁰ *Веселовский С. Б.* Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

¹¹ *Кобрин В. Б.* Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV–XVI вв.) // *Опричина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды.* М., 2008. С. 169–198.

стики, имени-уточнителя, наследственного именованья¹². Среди многочисленных древнерусских прозвищ можно выделить обширные семантические группы, а именно: прозвища, характеризующие человека по внешности, роду занятий, личным качествам, месту проживания и, наконец, этнической принадлежности. Этнонимы, лежавшие в основе ряда прозвищ и личных имен, были призваны выделять человека из его непосредственного окружения «иной» этнической принадлежности. В других случаях характеризующим признаком человека могла выступать не этническая принадлежность, а род занятий, выделяющаяся внешность и др. Отсюда следует, что и отэтнонимические прозвища могли иметь одну из подобных функций в социуме: возможно, они возникали по причинам, тесно связанным с носителем прозвища, среди которых важной была и этническая принадлежность индивида.

Интересны наблюдения М. Войтовича над древнерусской антропонимией XIV–XVI вв. Изучив на обширном материале древнерусские прозвища Северо-Восточной Руси, ученый пришел к выводу, что отэтнонимические прозвища были весьма многочисленны. Среди таковых – прозвища *Корела*, *Мордвин*, *Татарин*, *Черемисин*, *Чудин* и др. Эти прозвища были широко представлены в официально-деловых документах XIV–XV вв. (актах, писцовых книгах), сочетаясь с другими частями антропонима. Это связано с большей идентифицирующей способностью прозвищ в сравнении с календарными / крестильными именами, круг которых был ограничен¹³. Ограниченность древнерусского календарного именника была отмечена в монографии А. Бэклунда¹⁴. Как показал М. Войтович, значение прозвища не дает возможности точно определить, какие конкретные признаки и какие ассоциации послужили мотивами возникновения определенного индивидуального прозвища. Поэтому трактовка отэтнонимических прозвищ как этнической принадлежности именуемого является вполне возможной, очень вероятной, хотя и не единственной.

По сравнению с дореволюционными антропонимическими изысканиями, в 40–80-е гг. XX в. исследования по исторической ономастике выстраивались на комплексе письменных источников разного вида. Это позволило ученым сделать важные заключения: во-первых, прозвища и личные имена «этнического» характера были широко распространены в Древней Руси и представляли собой развитую систему; во-вторых, прозвища выполняли характеризующую индивида функцию. Некалендарные антропонимы такого рода выделяли человека из его окружения по какой-либо характерной черте: в их числе могла быть и этническая принадлежность. Основными методами изучения прозвищ были терминологический и этимологический анализ – значение отэтнонимического прозвища выводилось из значения этнонима, лежавшего в основе прозвища. Несмотря на ясность значений «этнических» прозвищ, исследователи затруднялись ответить на вопрос, какие именно мотивы приводили к номинации конкретного индивида конкретным прозвищем.

Поворот в осмыслении функций некалендарной антропонимии произошел в конце XX в. Исследователю финно-угорских археологических памятников Е. А. Рябинину принадлежат наблюдения над взаимосвязью прибалтийско-финской антропонимии новгородских писцовых книг и археологическими древ-

¹² *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М., 1983. С. 106.

¹³ *Wojtowicz M.* Древнерусская антропонимия XIV–XV вв.: Северо-Восточная Русь. Poznan, 1986. С. 67.

¹⁴ *Baeklund A.* Personal names in medieval Velikij Novgorod. Stockholm, 1959.

ностями неславянского населения Новгородской земли. Автор пришел к выводу, что появление прозвищ с этнонимической основой связано с подселением представителей определенного этноса в города или деревни с иным ведущим этносом. От этнонимические прозвища появлялись внутри неоднородных по этническому составу областей и поселений¹⁵. Так, прозвища *Чудин* и *Ижерынин* часто встречаются в «чудских» погостах, где, по данным Е. А. Рябинина, локализуется значительное число как прибалтийско-финских, так и славянских памятников.

Важное место в исторической ономастике занимает работа А. Г. Мосина, посвященная историческим корням уральских фамилий¹⁶. Исследователь выявил ряд фамилий, образованных непосредственно от «этнических» антропонимов – *Корелин* / *Карелин*, *Чудинов*, *Немчинов* и др. Автор заметил, что не во всех случаях исходное именование обязательно указывало на этническую принадлежность родоначальника. Помимо того, что А. Г. Мосин не работал непосредственно с новгородскими писцовыми книгами рубежа XV–XVI в., он не привел конкретных примеров интерпретации «этнических» прозвищ, оставив свое утверждение без доказательств.

Статья А. Г. Новожилова посвящена локализации неславянских этносов Новгородской земли в конце XV в. Используя новгородские писцовые книги, автор выявил различные от этнонимические прозвища и привязал их к конкретным географическим объектам. К районам компактного проживания прибалтийско-финского населения, по мнению автора, относилось южное и восточное побережье Финского залива, а также бассейн Невы. Количественный анализ прозвищ позволил А. Г. Новожилову сделать вывод, что *Ижерыне* и *Чудины* были наиболее крупными группами прибалтийско-финского населения¹⁷. Одновременно автор писал, что прозвище *Ижерынин* могло иметь как этническое, так и территориальное значение. Непонятной остается и бездоказательность А. Г. Новожилова в суждениях о некоторых прозвищах: так, прозвище *Лопин* он связывает по неизвестным причинам с волостью Лопцой, а не с Лопским погостом; прозвище «*Корелянин* обозначает не представителя карельского этноса, а переселенца из Корельского уезда»¹⁸. Часть работы посвящена определению доли носителей прибалтийско-финских имен среди общего числа «людей», проживавших в погостах Водской пятины. Однако ни методика подсчетов, ни критерии выявления прибалтийско-финских имен автором никак не проясняются. Учитывая отсутствие ссылок на работы лингвистов, выводы исследователя вызывают серьезные сомнения.

И. А. Кюршунова предприняла попытку комплексного исследования некалендарной антропонимии Новгородской земли XV–XVII в. Основным методом работы автора стал этимологический анализ антропонимических основ и выявление апеллятивов, к которым восходят некалендарные имена и прозвища. И. А. Кюршунова определила, что ономастикон прибалтийско-финского населения Новгородской земли имеет в своей основе разделение на дохристианский и

¹⁵ *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997. С. 42–44.

¹⁶ *Мосин А. Г.* Исторические корни уральских фамилий: опыт историко-антропонимического исследования. Автореферат дисс. ... д.ф.н. Екатеринбург, 2002.

¹⁷ *Новожилов А. Г.* Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2004. № 1–2. С. 90.

¹⁸ *Новожилов А. Г.* Указ. соч. С. 86, 89.

христианский элементы, причем анализ новгородских писцовых книг и актов показывает, что второй существенно преобладал: подавляющее число антропонимов можно отнести к календарным. В свою очередь, христианские антропонимы адаптировались в прибалтийско-финских языках согласно нормам последних. Такие прибалтийско-финские патронимы, как *Лакхуев*, *Лентуев*, *Мелгуев*, *Михкуев*, *Мичуев*, *Олфуев*, *Селуев*, *Тимуев*¹⁹, восходят к календарным именам. Важную роль в определении языковой основы имени является анализ его структуры. Так, к прибалтийско-финским именам можно отнести личные имена, оканчивающиеся в своей русифицированной форме на *-уй* или *-ой*, а также патронимы на *-уев* / *-иев* / *-оев*²⁰. Носители подобных антропонимов проживали главным образом в Водской пятине, хотя некоторые упомянутые антропонимы можно встретить и в Обонежской пятине – исторических регионах проживания води, ижоры, карелов, саамов, финнов.

Источники XV–XVI вв. позволили автору отметить широкое распространение так называемых «гибридных именований», когда в одном имени соединялись элементы из разных ономастических систем: календарные (христианские) имена и календарные / некалендарные прибалтийско-финские имена и образования от них²¹. Подобный разноязыковой синтез в антропонимической структуре свидетельствует, по мысли И. А. Кюршуновой, о тесном взаимодействии русской и прибалтийско-финской ономастических систем. Это, в свою очередь, не может не являться следствием активных межэтнических контактов. Автором выделен круг имен, которые не вошли в славянскую ономастическую систему и вряд ли использовались славянами. Среди таких имен – прибалтийско-финские антропонимы *Вихтуй*, *Игала*, *Товкой*, *Тоивод*, *Лембит*, *Ускал*. Данные имена имели хождение преимущественно в отдельных регионах Водской и Обонежской пятин – в «чудских», ижорских и лопских погостах, Карельском уезде. Таким образом, И. А. Кюршуновой сделаны важные выводы о прибалтийско-финском антропонимиконе как сложной системе, взаимодействующей со славянской антропонимической системой. Автором показано, что целый ряд имен имел либо прибалтийско-финское происхождение, либо языковую адаптацию в этой группе языков. Функционирование неславянских антропонимов происходило в основном в регионах исторического проживания прибалто-финнов.

Прибалтийско-финская нехристианская антропонимия стала предметом специального исследования О. Л. Карловой²², которая в своей работе опиралась на писцовую книгу Водской пятины 1500 г. По мнению О. Л. Карловой, из почти 4000 антропонимов писцовой книги можно выделить только около 150 фикса-

¹⁹ Кюршунова И. А. Антропозоонимы в полиэтничном пространстве Карелии XV–XVII вв. // Ученые записки ПетрГУ. 2013. № 7. Т. 2. С. 43–49; Она же. Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте // Вопросы ономастики. 2013. № 2. С. 108–127; Она же. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010. С. 341, 345.

²⁰ Кюршунова И. А. Словарь... С. 92, 355.

²¹ Кюршунова И. А. Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимиконе Карелии донационального периода // Carelica. 2014. № 2. С. 24.

²² Карлова О. Л. Карельская антропонимия нехристианского происхождения (на материале писцовой книги Водской пятины 1500 г.) // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: материалы конференции. Петрозаводск, 2014. С. 33–36.

ций самобытных карельских имен, косвенно указывающих на этническую принадлежность именуемого. Причина такой немногочисленности прибалтийско-финских антропонимов – усиление роли календарного антропонимикона. Христианские имена усваивались прибалтийско-финским населением Новгородской земли согласно нормам, принятым в его языках. Например, фамильное прозвание *Матчурев* образовано от имени *Матфей*, *Прохурев* – от *Прокопий*²³. Имеют параллели и личные имена: *Таруй–Тарас*, *Танпуй–Степан*, *Мельгуй–Емельян*²⁴. Использование человеком адаптированного (карелизированного) календарного имени могло свидетельствовать о языковой принадлежности самого носителя имени и / или его ближайшего окружения. Помимо календарных имен источники содержат нехристианскую антропонимию прибалтийско-финского происхождения. В писцовой книге Водской пятины 1500 г. присутствует ряд имен, восходящих к древним прибалтийско-финским именам *Ihala* (*Игала* писцовых книг), *Lemmity / Lemmetti* (*Лембум*), *Uskali* (*Ускал*), *Vухтуй*, *Touвод*. По мнению автора, значительное присутствие вышеназванных имен в исторических регионах проживания финнов, карел, саамов, води, ижоры позволяет предположить, что носителями прибалтийско-финских имен было преимущественно неславянское население Новгородской земли. Что касается славянского населения, то оно в большинстве своем использовало неадаптированные в иных языках календарные имена (*Ивашко*, *Федко*, *Васко* и т.п.). Вместе с тем, в XV–XVI вв. календарная антропонимия широко использовалась в Водской пятине, что не позволяет исследователю видеть в носителях календарных имен исключительно славян.

Финский исследователь Я. Саарикиви на примере изучения берестяных грамот отметил важность фиксации не только антропонимов, но и топонимов прибалтийско-финского происхождения. Это позволяет более точно определить этническую принадлежность носителя имени за счет привязки антропонима к определенной территории²⁵. Связь прибалтийско-финских имен с этнической принадлежностью, по мнению автора, прослеживается и в фонематическом характере антропонима: сочетания звуков прибалтийско-финских имен в определенных случаях нехарактерны для славянских языков.

Существенным элементом древнерусской ономастической системы были тюркские антропонимы, охарактеризованные в монографии Н. А. Баскакова. В областях, где славянское и тюркское население входило в тесные, прямые контакты, тюркские антропонимы становились частью славянской ономастической системы. Совсем не обязательно, что тюркские антропонимы происходят непосредственно от имени выходца из узо-печенежской, половецкой или золотоордынской среды: можно предположить, что тюркский антропоним был дан представителю славянской по происхождению семьи тюрками-родичами (при смешанных браках) или соседями-представителями тюркских по происхождению семей²⁶.

Особую категорию антропонимии составляют отэтнонимические антропонимы – личные имена и прозвища. Писцовые книги конца XV – начала XVI в. фиксируют следующие антропонимы: *Армян*, *Вошка / Вожско*, *Ижерянин*, *Корела*, *Корелка*, *Корелянин*, *Корельской*, *Литвин / Литвинов*, *Лопин*, *Моравин*,

²³ *Зайков П. М.* Адаптация русских христианских имен в кольско-саамских диалектах // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1981. С. 55–61; *Карлова О. Л.* Указ. соч. С. 34.

²⁴ *Кюршунва И. А.* Словарь... С. 341, 526, 527.

²⁵ *Saarikivi J.* Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // *Slavica Helvingiensia*. 2007. № 32. P. 241, 243.

²⁶ *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 27.

Немчин, Русин, Татарин / Татаров, Чудин. Подавляющее большинство названных антропонимов рассматриваются лингвистами и историками как именованья, возникшие на основе этнонимов. Отэтнонимические прозвища являются предполагаемым уточнителем индивида в условиях широкого хождения календарных имен и / или этнической неоднородности региона или поселения²⁷. Значения некоторых прозвищ вызывают дискуссию. Содержание прозвища *Чудин* исследователи интерпретируют по-разному: с одной стороны, *Чудином* мог быть вожанин, житель погоста «в чуди», где присутствовали водские археологические памятники и водское население, сохранившее свое самоназвание и свой язык до XVIII в., с другой – это мог быть вепс и даже эст²⁸. По мнению О.И. Коньковой, под этнонимом «чудь» фигурирует сложное по этническому составу водско-ижорское население, что подтверждается смешанным характером памятников погостов «в чуди»²⁹. Следовательно, *Чудином* мог оказаться как вожанин, так и *Ижерианин*. Археологические источники погостов «в чуди» не позволяют однозначно интерпретировать этническую принадлежность находок, однако можно уверенно говорить о значительном присутствии здесь смешанного прибалтийско-финского населения³⁰.

В прозвище *Корелянин* одни исследователи видят указание на происхождение или место жительства носителя прозвища, т. е. Корельский уезд³¹, другие – на возможную этническую принадлежность этого человека³². Важно заметить, что топонимичным является скорее прозвище *Корельской*, нежели *Корелянин*, т. к. прозвище, отражавшее топоним, имело в своей структуре формант *-ский / -ской*³³. Прозвище *Корельской* как раз могло быть связано с переселенцами с Карельской стороны³⁴, а также с выходцами из города Корелы³⁵. Этническую и территориальную принадлежность индивида можно усматривать в прозвище *Ижерианин*³⁶. В прозвище *Литвин* можно видеть обозначение как собственно литовца³⁷, так и славянина, жителя западнорусских земель в составе Великого княжества Литовского или мигранта из этих земель³⁸. С. Б. Веселовский отмечал, что прозвище *Литвин* добавлялось к именам некоторых великокняжеских бояр, находившихся на службе в Великом княжестве Литовском³⁹.

И. М. Ганжина указала на то, что интерпретация отэтнонимического антропонима зависит от его места в структуре имени. Например, имя «этнического» характера, стоящее на первом месте или имеющее в своем составе формант *-ко / -ка* (*Русин Черемисинов, Литвинко, Корелка, Чудинко*), являлось нека-

²⁷ Кюршунова И. А. Словарь... С. 195, 247, 306, 313, 372, 528; Рябинин А. Е. Указ. соч. С. 42; Чичагов В. К. Указ. соч. С. 33; Wojtowicz М. Указ. соч. С. 67.

²⁸ Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 347, 559.

²⁹ Конькова О. И. Ижора: Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 59.

³⁰ Saarikivi J. Op. cit. P. 209.

³¹ Новожилов А. Г. Указ. соч. С. 86.

³² Кюршунова И. А. Словарь... С. 246–247.

³³ Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 180.

³⁴ Витов М. В. Историко-географический очерк Заонежья XVI–XVII вв.: Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 59.

³⁵ Кюршунова И. А. Словарь... С. 247.

³⁶ Там же. С. 195.

³⁷ Шцлов А. Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8). С. 35.

³⁸ Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001. С. 5.

³⁹ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 181.

лендарным личным именем и могло не относиться напрямую к этнической или территориальной принадлежности носителя имени. Если речь идет о положении «этнического» имени во второй части антропонима (*Ивашко Чудин*), то исследователь имеет дело с прозвищем, характеризующим или уточняющим индивида в окружении других людей. Можно допустить, что такое уточнение основывалось на этнической принадлежности человека или территории, где он некогда проживал. Однако в случае с конкретными личными именами и прозвищами важно изучать исторический контекст⁴⁰.

Таким образом, к рубежу XX–XXI вв. лингвисты выявили обширный антропонимический комплекс, содержащийся в древнерусских письменных источниках. Особое место здесь занимает прибалтийско-финская календарная и некалендарная антропонимия, а также отэтнонимические прозвища. По всей видимости, носителями прибалтийско-финских имен были представители карел, води, ижоры, саамов и финнов. Это подтверждается, во-первых, географически: прибалтийско-финские имена чаще встречаются в исторических регионах проживания прибалтийско-финских этносов («чудские», «ижорские» и «лопские» погосты, Корельский уезд); во-вторых, фонематическая структура прибалтийско-финских антропонимов нехарактерна для славянских языков. Так, целый ряд календарных имен, используемых славянами, был адаптирован в карельском языке его носителями.

Особую семантическую группу антропонимов составляют отэтнонимические прозвища, которые функционировали в качестве характеризующих и уточняющих имен в условиях ограниченного календарного антропонимикона. Однако отождествление «этнического» прозвища и этнической принадлежности индивида вовсе не является абсолютным, поскольку не всегда известны подлинные мотивы наречения «этническим» прозвищем.

Источники и литература

1. *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979.
2. *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.;Л.: Наука, 1961.
3. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983.
4. *Веселовский С. Б.* Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.
5. *Витов М. В.* Историко-географический очерк Заонежья XVI–XVII вв.: Из истории сельских поселений. М.: МГУ, 1962.
6. *Войтович М.* Древнерусская антропонимия XIV–XV вв.: Северо-Восточная Русь. Poznan: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 1986.
7. *Гадзяцкий С. С.* Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941.
8. *Ганжина И. М.* О месте христианских имен в системе именования лица периода становления официальной антропонимической нормы // Проблемы современной филологии: Сб. статей. Тверь, 1999. С. 190–195.

⁴⁰ *Ганжина И. М.* О месте христианских имен в системе именования лица периода становления официальной антропонимической нормы // Проблемы современной филологии: Сб. статей. Тверь, 1999. С. 190–195; *Она же.* Прозвищные имена в тверских писцовых книгах XVI в. // Слово в синхронии и диахронии (лексико-семантический аспект): Сб. статей. Тверь, 1993. С. 146–152.

9. Ганжина И. М. Прозвищные имена в тверских писцовых книгах XVI в. // Слово в синхронии и диахронии (лексико-семантический аспект): Сб. статей. Тверь, 1993. С. 146–152.
10. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М.: АСТ, 2001.
11. Зайков П. М. Адаптация русских христианских имен в кольско-саамских диалектах // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. статей. Л.: Наука, 1981. С. 55–61.
12. Карлова О. Л. Карельская антропонимия нехристианского происхождения (на материале писцовой книги Водской пятины 1500 г.) // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: материалы конференции. Петрозаводск: [Б. и.], 2014. С. 33–36.
13. Кобрин В. Б. Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV–XVI вв.) // Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М.: РГГУ, 2008. С. 169–198.
14. Кюршунцова И. А. Антропозоонимы в полиэтничном пространстве Карелии XV–XVII вв. // Ученые записки ПетрГУ. 2013. № 7. Т. 2. С. 43–49.
15. Кюршунцова И. А. Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте // Вопросы ономастики. 2013. № 2. С. 108–127.
16. Кюршунцова И. А. Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимиконе Карелии донационального периода // Carelica. 2014. № 2. С. 22–30.
17. Кюршунцова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.
18. Морошкин М. Я., свящ. Славянский именовслов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.
19. Новожиллов А. Г. Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2004. № 1–2. С. 79–92.
20. Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003.
21. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк. СПб.: СПбГУ, 1997.
22. Сергей (Тихомиров), архим. Новгородский уезд Водской пятины по писцовой книге 1500 года: историко-экономический очерк. М., 1900.
23. Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
24. Харузин Н. Н. К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. С. 150–171.
25. Чечулин Н. Д. Личные имена в писцовых книгах XVI века, не встречающиеся в православных святцах. СПб., 1890.
26. Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. М.: Учпедгиз, 1959.
27. Шилов А. Л. Этнонимы и неславянские антропонимы Берестяных грамот // Вопросы ономастики. 2010. № 1. С. 33–54.
28. Baecklund A. Personal names in medieval Velikij Novgorod. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1959.
29. Saarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Slavica Helsingiensia. 2007. № 32. P. 196–246.